

Глава 1. Младший шишу

Зима. Небо затянуто серым саваном, валит густой снег.

В комнате не горели лампы. В полумраке за столом сидел молодой человек. Он кутался в накидку из белого лисьего меха. Его красота казалась почти пугающей, какой-то нечеловеческой. Он подпирал лоб тонкими бледными пальцами. Бескровные губы, плотно закрытые веки — в этом облике сквозила болезненная хрупкость, лишавшая его образ привычной резкости.

Он явно страдал от холода: в комнате жарко горело несколько жаровен, поддерживая весеннее тепло.

Цзянь Мянъ вошел, потирая руки. Сквозь приоткрытую дверь ворвались колючие снежинки, добравшись до мужчины за столом. Почувствовав прохладу на щеке, тот открыл глаза.

— Младший шишу, если тянет в сон, ложитесь в постель, — Цзянь Мянъ отряхнул снег с плаща и достал из-за пазухи сверток с лекарствами. — Болезнь еще не отступила, не хватало только ухудшения.

Цинь Уцзю поднял взгляд. Мальчишка суетился, перепрыгивая с места на место и не замолкая ни на миг. Его томила тяжелая истома — из-за сильного жара шевелиться совсем не хотелось. Он лишь сменил позу и снова прикрыл глаза, проваливаясь в дрему.

— Ложитесь в постель, — повторил Цзянь Мянъ.

Мужчина что-то невнятно пробормотал. Цзянь Мянъ вздохнул, взял лекарства и вышел на кухню.

Этот двор был довольно просторным и не лишенным изящества, но жили здесь только они вдвоем, отчего место казалось опустевшим и тоскливым.

Снег падал огромными хлопьями. Некоторые залетали в окно, и Цзянь Мянъ поспешил его закрыть. Помешивая огонь в печи, он задумчиво засмотрелся на пляшущие искры.

Он не принадлежал этому миру. Явился сюда из другого — того, где нет магии и бессмертных. Это же место было полно чудес: люди здесь летали по небесам и скрывались под землей, а по лесам бродили духи, о которых в его прошлом мире писали только в книгах.

В той, прежней жизни Цзянь Мянъ рано остался сиротой. Его вырастил дед. Когда на каникулах после десятого класса дедушки не стало, юноша сам организовал похороны. Обессилев от слез на могиле, он забылся сном, а проснувшись, обнаружил, что мир вокруг изменился.

После смерти деда Цзянь Мянью не чувствовал связи со своей реальностью. Там его никто не ждал, и он лишь обрадовался возможности прожить еще одну жизнь.

Ему повезло: он стал учеником бессмертных. Его орден назывался «Павильон Чистого Ветра и Ясной Луны». Название звучало величественно, но на деле обитель пришла в упадок. Кроме главы, там был всего один ученик — он сам.

Глава ордена, Ли Цин, был человеком мягким. На вид ему нельзя было дать и тридцати, хотя на самом деле он прожил уже несколько столетий.

Цзянь Мянью мечтал о странствиях, о том, как будет лететь над миром с мечом в руках. Он понимал, что пока мал и слаб, но у заклинателей долгая жизнь — времени впереди было предостаточно.

Их обитель находилась вдали от мирской суеты. На заднем дворе рос персиковый сад, раскинулось озеро, полное рыбы. Дни Цзянь Мянью проходили за уборкой, прополкой сорняков, чтением книг и упражнениями с мечом.

У него был четкий план: когда исполнится восемнадцать, он попрощается с учителем и отправится повидать свет, как герои романов об удачных странниках.

Круто же.

Но через полгода после его появления Ли Цин позвал его к себе и спокойно объявил, что его срок на исходе.

Цзянь Мянью не поверил своим ушам. Только-только он оправился от потери деда, и вот судьба снова отнимает у него близкого человека?

За эти полгода они стали друг другу родными. Ли Цин редко выходил из своей комнаты, но для Цзянь Мянью он был не просто наставником — он был семьей.

Юноша отказывался принимать это. Шицзунь выглядел бодрым и здоровым, какой еще «конец срока»? Он не понимал логики этого мира.

Но Ли Цин всерьез занялся подготовкой к похоронам. И когда из подножия горы плотник привез гроб, Цзянь Мянью охватил настоящий ужас.

Он помогал наставнику чистить этот гроб, втайне вытирая слезы.

— Не бойся, — сказал однажды Ли Цин во время отдыха. — Когда я уйду, следуй за своим младшим шишу.

— Младшим шишу? — Цзянь Мянью удивился. Разве в их ордене был кто-то еще?

В книгах «младшие шишу» обычно были какими-то невероятными мастерами. Цзянь Мянью исполнился надежды, хотя сердце все еще болело за учителя.

— И где он, этот младший шишу? — рассеянно спросил он.

Ли Цин долго смотрел на извилистую горную тропу.

— Я послал ему весточку. Думаю, скоро он будет здесь.

От наставника Цзянь Мянью узнал, что таинственного родственника зовут Цинь Уцзю. Много лет назад он покинул орден и поселился среди людей.

— Характер у него непростой, но человек он неплохой. Ты малый живой, уверен, поладите.

Ли Цин говорил так же спокойно, как обычно. Его безмятежность немного уняла страх юноши перед неизбежным.

Как и прежде, наставник почти не выходил наружу. Цзянь Мянью, закончив дела, сидел на ступени перед воротами и всматривался вдаль, гадая, какой он — этот Цинь Уцзю.

Прошло три дня. В конце дороги показалась повозка. Цзянь Мянью оживился, он не сводил взгляда с экипажа, медленно ползущего в гору. От волнения он даже забыл позвать учителя.

Повозка остановилась совсем рядом. Цзянь Мянью заметил, что она укрыта толстыми одеялами для защиты от ветра. А ведь зима только началась, сам он ходил в легком халате.

Вспомнились слова учителя: младший шишу был ранен, его духовные вены повреждены. Значит, он слабее обычных людей и острее чувствует холод.

Под его любопытным и полным ожидания взглядом занавеска приподнялась. Из повозки вышел человек.

Одетый в плотную одежду и подбитую мехом накидку, он слегка пошатнулся, ступив на землю. Кучер хотел было поддержать его, но тот остановил его властным жестом.

Руки у него были удивительной красоты: тонкие, белые, с длинными пальцами. Таких изящных кистей Цзянь Мянью не видел даже у профессиональных моделей.

Заметив постороннего, мужчина поднял взор, и у юноши перехватило дыхание. Никогда еще он

не встречал столь прекрасного лица.

От этого человека веяло чистотой и прохладой горного ветра. Он смотрел холодно своими темными, как бездонное море, глазами. Густые ресницы, высокая переносица и красиво очерченные губы... Несмотря на бледность, он был ослепительно красив, и эта болезненность лишь придавала его облику какое-то щемящее очарование.

Мужчина равнодушно скользнул по нему взглядом и отвернулся, словно юноши и вовсе не существовало.

Цзянь Мянью не обиделся. Этот человек смотрел на всё в мире с одинаковым безразличием, будто ничто вокруг не могло его заинтересовать.

Пока он колебался, стоит ли здороваться, подошел Ли Цин.

— Приехал всё-таки, — улыбнулся наставник.

Мужчина едва заметно кивнул, выглядя совершенно измотанным. Ли Цин пригласил его в дом.

Когда Цзянь Мянью принес чай, атмосфера в комнате была странной. Ли Цин и гость сидели друг напротив друга в полном молчании.

«Странно, — подумал юноша. — На братьев по ордену они совсем не похожи. Почему же учитель решил доверить меня именно ему?»

Ничего не решив, он поставил поднос и вышел. На горе прислуги не было, так что готовить обед для наставника и гостя пришлось ему самому.

Вновь подходя к дверям, он услышал приятный мужской голос:

— Я давно не ученик Павильона Чистого Ветра и Ясной Луны. Главе ордена не стоит называть меня младшим братом.

— К чему такая отчужденность? — мягко отозвался Ли Цин. — Мы навсегда останемся братьями по ордену.

Мужчина усмехнулся — в этом звуке слышалась насмешка, но продолжать спор он не стал.

Цзянь Мянью, невольно подслушавший разговор, неловко замер в дверях. Когда Ли Цин посмотрел на него, он тихо спросил:

— Я... я пришел узнать, нет ли у младшего шишу каких-то пожеланий к еде. Может, что-то нельзя?

Ли Цин ответил:

— Всё подойдет. Приготовь что-нибудь простое, домашнее.

Цзянь Мянй кивнул и бросил взгляд на гостя. Тот уже прикрыл глаза. Юноша поклонился учителю и ушел.

Продукты в горах были свои, ходить никуда не требовалось. На заднем пруду он поймал двух жирных рыбин, из погребя принес редьку, картофель и капусту.

Он присел у кухни, чтобы почистить рыбу. Движения его были уверенными и быстрыми: вспороть брюхо, соскоблить чешую — всё шло как по маслу.

Рядом послышались шаги. Цзянь Мянй поднял голову и увидел Цинь Уцзю. Заметив, что тот смотрит на его руки, юноша опустил взгляд: земля была залита рыбьей кровью, а его пальцы покрылись красными пятнами.

На белой коже Цзянь Мянй этот алый цвет казался вызывающе ярким. Он поспешил опустить руки в таз с водой.

Мужчина перевел взгляд с его ладоней на лицо и негромко произнес:

— Хорошая техника.

Цзянь Мянй не ожидал, что тот заговорит первым.

— Спасибо... — пробормотал он, снова берясь за нож.

— Умереть под столь быстрым лезвием, — добавил Цинь Уцзю, — должно быть, совсем не больно.

Рука Цзянь Мянй дрогнула, и он случайно проткнул желчный пузырь. Рыба была испорчена.

В голове юноши роились вопросы. Его младший шишу... он что, с приветом?